

УДК 811. 161.1'42

**Языковые маркеры прецедентных текстов
в прозе С. Довлатова**

Опаленко Н.А.

*Харьковская государственная академия дизайна и искусств,
г. Харьков, Украина*

В статье анализируются языковые маркеры отсылки к прецедентным текстам (ПТ) в художественном тексте, описываются их функции.

Ключевые слова: *интертекстуальность, прецедентный текст, ирония.*

Постановка проблемы. Категория интертекстуальности рассматривается в современной науке в рамках лингвистических, литературоведческих и культурологических исследований, которые основываются на трудах Р. Барта, М. Бахтина, Ю. Караулова, Ю. Кристевой, Ю. Лотмана, Ю. Тынянова, Н. Фатеевой. Несмотря на многочисленность таких исследований, «окончательно выяснить природу интертекстуальности до сих пор не удалось» [6, с. 270]. Актуальность изучения данной категории подтверждается разночтениями в определениях, а также отсутствием подробной методики интертекстуального анализа.

Основная формулировка понятий 'интертекстуальность' и 'интертекст' принадлежит Р. Барту: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из разных цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [цит. по: 8, с. 207]. Ассоциативные базы присутствующих в художественном тексте «отсылок» к предыдущим (прецедентным) литературным фактам различны. Среди опорных или исходных текстов ученые выделяют прецедентные тексты (ПТ), известные широкому кругу носителей языка в течение длительного времени.

Цель данной статьи — описать языковые маркеры отсылки к ПТ и охарактеризовать текстовые функции этих единиц в произведениях С. Довлатова «Заповедник», «Компромисс», «Зона».

Изложение основного материала. Считается, что термин 'интертекстуальность' был введен в научный обиход представительницей французского постструктурализма Ю. Кристевой в работе о М. Бахтине. Исследовательница использовала понятие диалогичности, разработанное М. Бахтиным: «Если бы мы представили произведение как реплику некоторого диалога, стиль которой определяется взаимоотношением ее с другими репликами этого диалога (в целом беседы), — то, с точки зрения традиционной стилистики, нет адекватного подхода к такому диалогизированному

стилю» [1, с. 87]. Основная идея Ю. Кристевой сводится к тому, что текст в процессе интертекстуализации сам постоянно трансформируется, создается и переосмысливается. Эта концепция получила широкое признание в лингвистической среде, а термин 'интертекстуальность' стал одним из основных в анализе художественного произведения.

Н. Фатеева в работе «Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов» предложила типологию «интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественных текстах»: собственно интертекстуальность, образующая конструкции «текст в тексте» (цитаты, аллюзии, центонные тексты); паратекстуальность, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию (цитаты-заглавия, эпиграфы); метатекстуальность как пересказ и комментирующая ссылка на претекст; гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого; архитектурность, понимаемая как жанровая связь текстов; иные модели и случаи интертекстуальности (интертекст как троп или стилистическая фигура) [9, с. 120-158].

В. Москвин межтекстовые взаимодействия называет фигурами интертекста. Под интертекстом понимаются такие фигуры, как цитирование, афоризм, аппликация, аллюзия, парафраз, реминисценции [7, с. 202]. Основой любого вида реминисценций являются опорные тексты.

Мы, вслед за Ю. Карауловым, пользуемся термином 'прецедентные тексты' и определяем последние как «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216].

Творческое наследие Сергея Доннатовича Довлатова предоставляет богатый материал для исследования категории интертекстуальности. В ходе анализа его произведений с позиции интертекстуальных связей нами были выделены такие маркеры отсылки к ПТ, как номинация (имя автора, персонажа или известной личности), цитата или искаженная цитата, название художественного произведения.

Чтобы обнаружить этот маркер, читатель должен иметь представление о существовании источника. «Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [5, с. 216]. Модернизация известных выражений, цитат происходит в результате семантического преобразования, осуществляемого обычно в ироническом ключе, тогда как в структурном отношении эти выражения сохраняют свой облик. Именно благодаря этому они и становятся узнаваемыми.

Анализ маркеров ПТ в произведениях С. Довлатова позволяет судить о характере мышления самого автора. Рассмотрим комплексную номинацию, когда дается указание на какое-то характерное свойство, типовую примету, идет отождествление с наиболее заметной, запоминающейся и потому всем известной чертой лица (персонажа, писателя). *С твоими пороками нужно быть как минимум Хемингуэем... — Ты действительно считаешь его хорошим писателем? Может быть и Джек Лондон хороший писатель? — Боже мой! При чем тут Джек Лондон?! У меня единственные сапоги в ломбарде... Я все могу простить. И бедность меня не пугает... Все, кроме предательства!* [3, с. 160]. Обращение к имени американского писателя Э. Хемингуэя в

данном диалоге главного героя и его жены выступает в роли маркера отсылки к ПТ. Такое сравнение раскрывает ироническое отношение к творческим попыткам главного героя. Аналогичный пример введения ПТ с целью усиления экспрессии: *Я зашел в хозяйственную лавку. Приобрел конверт с изображением Магеллана. Спросил зачем-то: — Вы не знаете, при чем тут Магеллан? Продавец задумчиво ответил: — Может, умер... Или героя дали...* [3, с. 161]. Перед читателем — печать советского времени. Характеризуется целая эпоха, когда можно было увидеть портреты только тех, кому присвоено какое-либо почетное звание. В то же время незнание, кто такой Магеллан, характеризует косвенно и героя, его уровень образования. Обыгрываются также прецедентные имена, — *Говорят, за исполнение роли Ленина платят больше, чем за **Отелло**?* — *Возможно. И убежден, что это справедливо. Ведь актер берет на себя огромную ответственность...* [3, с. 89]. Сам факт сопоставления данных персонажей порождает иронию, поскольку один из них — исторический деятель, представляющий целую эпоху, а другой — литературный герой-ревнивец. При этом «имя персонажа прецедентного текста обладает потенциальной метафоричностью в большей степени, чем имя конкретного исторического лица» [5, с. 228].

Довлатов часто вводит одновременно два прецедентных имени в функции маркеров интертекста, которым зачастую является не литературное произведение, а историческая эпоха. Например: *Вам можно доверять. Я это сразу поняла. Как только увидела портрет Солженицына. — Это Достоевский. Но и Солженицына я уважаю* [3, с. 102]. Диалог молодой учительницы-агитатора с героем, отказывающимся идти на выборы, становится доверительным, поскольку человек, у которого в советское время в доме висит портрет Солженицына, воспринимается своим, таким, кому можно доверять. Однако то, что героиня путает авторов, характеризует ее как поверхностного человека, желающего блеснуть своими «знаниями».

Цитирование, как один из маркеров отсылки к ПТ, является воспроизведением фрагмента какого-либо текста, сопровождаемым указанием источника. В довлатовском тексте наблюдаем псевдоцитирование или мнимую цитацию. Например, эпизод из цикла рассказов «Компромисс», когда герой-журналист пишет статью для таллинской многотиражки о рождении 400 000-ого жителя столицы. *Хочется вспомнить слова Гете: Рождается человек — рождается целый мир!* [2, с. 30]. Здесь же дается авторская сноска *Фантазия автора. Гете этого не писал*. Следовательно, перед нами мнимая цитата, введенная в статью с целью усиления искусственности (фальши) ситуации. Речь идет об обратной стороне журналистской работы. Выдуманная история с новорожденным, которого по принуждению журналиста отец обещает назвать Лембитом.

Приведем еще один пример искаженной цитаты: *С каждым летом наплыв туристов увеличивается... Исполнилось пророчество: **Не зарастет священная тропа!***, — *добавила Галина. Не зарастет, думаю. Где уж ей, бедной, зарасти. Ее давно вытоптали эскадроны туристов...* [3, с. 170]. Ниже автор сам дает сноску: *Искаженная цитата. У Пушкина — **народная тропа***. Одним из мотивов повести «Заповедник» является изображение мира фальши, и в частности — фальшивого отношения к русскому поэту со стороны работников пушкинского заповедника. Поскольку *Пушкин уже стал их коллективной собственностью*, экскурсоводы искажают факты биографии поэта, преподносят собственные выдумки как правду, считают себя вправе даже изменять слова в строках стихотворений.

Примером аллюзии являются размышления Довлатова над природой человека: *Человек рождается, страдает и умирает — неизменный, как формула воды H₂O. Ме-*

няются только **актеры**, когда выходят на сцену. Да и то не все, а самые лучшие [3, с. 54]. Здесь представлена отсылка к словам Шекспира: «Весь мир — театр, и люди в нем актеры» с упоминанием всего лишь одного слова — *актеры*. Узнаваемость основывается на лексико-семантическом уровне. Возможна подстановка новых компонентов в готовую структуру: *не твоих усов дело* [3, с. 142], разбивка компонентов, использование их «осколков» в разных частях текста с привлечением ряда слов из ближайшего семантического поля: *Да эти барбосы... Ленин с Дзержинским. Рыцари без страха и укропа...* [3, с. 125]. (Рыцарь без страха и упрека). Парафраз в данном случае выступает как разновидность цитации и состоит в изменении лексического состава выражения или текста, известных адресату. Выразительный эффект лексического обновления состоит, во-первых, в неожиданном разрушении определенной модели непредсказуемым элементом, а во-вторых, в том, что оно, по словам Е. Земской, придает «двойное звучание» всему контексту.

Заглавия произведений художественной литературы или строки из них как маркеры ПТ могут употребляться в речи персонажей без кавычек в функции сравнения: *Взгляни на это прогрессивное человечество! На эти тупые рожи! На эти тени забытых предков!.. Живу здесь, как луч света в темном царстве...* [3, с. 234]. Так что — это в прошлом. Как говорится, *былое и думы...* Обращение к произведениям русских классиков характеризуют героя как образованного человека, однако глубоко несчастного, так как он чувствует себя другим, не вписывающимся в рамки, навязанные обществом. Проиллюстрируем применение «угадываемых» литературных вкраплений в основном авторском тексте наиболее выразительными примерами: — *Вера, — крикнул Марков, — дай опохмелится! Я же знаю — у тебя есть. Так зачем это хождение по мукам? Дай сразу! Минуя промежуточную эпоху развитого социализма* [3, с. 237]. Название романа А. Толстого «Хождение по мукам» превратилось во фразеологизм и используется автором как основа для выразительного средства. Эффект выразительности усиливается с помощью контрастного введения клишированного выражения из курса экономической теории.

Образ известной личности или ассоциация, созданная на основе детали, продуктивный способ отсылки к ПТ, менее часто встречается у Довлатова. Так, например, образ Сталина угадывается в реплике героя повести «Зона»: *Более того история показывает, что можно еще сильнее раскрутиться. Например, десять миллионов угробить, а потом закурить «Герцеговину Флор»* [3, с. 53].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Подводя итоги описанию, можно отметить следующее. В произведениях С. Довлатова обращение к прецедентным текстам является стилиобразующим средством, как и у многих других авторов конца XX века. ПТ в довлатовском тексте работают на создание комического эффекта, служат средством характеристики героев, основой выразительных средств, реализуют мотив фальши. Проведенный в данной статье анализ маркеров ПТ касается ранней прозы С. Довлатова, поэтому исследование феномена интертекстуальности в произведениях американского периода является перспективным.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.
2. Довлатов С. Компромисс / С. Довлатов. — СПб.: Азбука-классика, 2003. — 224 с.
3. Довлатов С. Ремесло / С. Довлатов. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 608 с.
4. Довлатов С. Чемодан / С. Довлатов. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 160 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 264 с.
6. Мариненко Н.В. Проблема інтертекстуальності в сучасному літературознавстві: до постановки питання / Н.В. Мариненко // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. — 2002. — № 538: Філологія. — Вип. 34: Актуальні питання сучасної філології. — С. 270 — 275.
7. Москвин В.П. Стилистика русского языка / В.П. Москвин. — Ростов н/Д: Феникс, 2006. — 630 с.
8. Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник. — М.: Интрада — ИНИОН, 1999. — 320 с.
9. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. — М: Агар, 2000. — 280 с.

Опаленко Н.О. Мовні маркери прецедентних текстів у творах С. Довлатова // Ученіє записки Таврічеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2012. — Т.25 (64). — № 1. Частина 2. — С. 51-55.

У статті проаналізовано мовні маркери відсилання до прецедентних текстів (ПТ) у художньому тексті та описано їхнє функціонування.

Ключові слова: *інтертекстуальність, прецедентний текст, іронія.*

Opalenko N. Language Markers of Precedent Texts in S. Dovatov's Prose // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». — 2012. — V.25 (64). — № 1. Part 2. — P. 51-55.

The article deals with analysis of precedent texts' introduction into the work of literature. The types and functioning of precedent texts are singled out.

Key words: *precedent texts, irony, individual style.*

Поступила в редакцію 01.03.2012 г.